

М. И. Левин

докт. экон. наук, ординарный профессор факультета экономических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; зав. кафедрой микроэкономики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

И. В. Шевелева

канд. экон. наук, доцент, аспирант исторического факультета Университета Paris 1 Panthéon Sorbonne

ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ: ТРАНСФЕР ТЕХНОЛОГИЙ И ОПЫТ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Введение

Ускоряющийся темп технологического развития и связанные с ним угрозы и вызовы за три последних десятилетия превратили исследования науки и технологий (*Science and Technology Studies, STS*) в одну из наиболее стратегически важных областей знания. В настоящее время факультеты и центры, изучающие технологии, существуют практически во всех университетах мира. В России их нет¹. Так что вопросы остаются. Достаточно процитировать предисловие к одному из последних аналитических обзоров, опубликованных в журнале «Эксперт»: «Западные санкции <...> выявили ряд уязвимых зон в высокотехнологичных отраслях, требующих активной промышленной политики по преодолению нашего отставания» (Журавлев и др., 2017). Небезынтересно в этой связи вспомнить и опереться на опыт обмена технологиями между СССР и странами Запада в условиях санкций в советский период, что мы и попытаемся сделать в этой статье.

«Трансфер технологий» между странами Западного и Восточного блоков, — это понятие появляется в научной литературе с началом холодной войны. Обмен технологиями давно превратился в повседневную реальность. Особенно пристальный интерес возник к этому феномену после Второй мировой войны, так что потребовалось дать ему специальное определение. Этот интерес, с точки зрения Ф. Тернера, и привел к закреплению понятия «трансфер технологий» (Turner, 1998, p. 514–534).

Таким образом, анализ трансфера технологий, в академическом смысле, с необходимостью ассоциируется с контекстом холодной войны, — конфронтацией между странами Запада и странами — участницами Организации Варшавского договора (ОВД)², развернувшейся в период с 1949 по 1989 г.

Анализ историографии трансфера технологий между Западом и Востоком позволяет отметить два основных пика интереса к этой теме: это 1980-е гг. и период после распада СССР. Причем, если вначале этот сюжет интересовал в основном экономистов (Sutton, 1968, 1970; Bornstein, 1985; Tiano, 1981) и специалистов по промышленному шпионажу (Schweizer, 1993; Chalet, Wolton, 1990; Regnard, 1983; Wolton, 1986), то впоследствии к исследованиям подключились историки,

¹ Центр исследований STS в России создается сейчас в Европейском университете в Санкт-Петербурге.

² Далее — блок восточных стран, страны Запада и Востока.

особенно после открытия ряда архивов в постсоветскую эпоху как в России, так и за рубежом¹.

Инициатива по организации контроля за экспортом технологий в страны Варшавского договора принадлежала США, где в начале 1950-х гг. появляются законодательно закрепленные положения об ограничениях в торговле товарами и технологиями со странами Восточного блока, которые регулярно дополняются и корректируются.

В США не существует общего права, регулирующего экспорт (Bargher, 1994, p. 9). Большинство произведенных товаров не могут экспортироваться без лицензий, предоставляемых исполнительным органом, департаментом экспортного лицензирования Министерства торговли². Законодательному органу власти — Конгрессу США — в рамках Конституции предоставлено право регулировать экспорт³ (U.S. Const. Art. I, § 8). В частности, такой прецедент имел место, когда «Конгресс одобрил ряд законов, регулирующих экспорт в ответ на рост влияния СССР после Второй мировой войны» (Bargher, 1994, p. 9). До этого момента Закон о нейтралитете (Neutrality Laws of 1935) служил юридической основой регулирования исключительно экспорта вооружений (Stenger, 1987). Контроль за экспортом военных технологий задумывался для сохранения технологического преимущества США в этой сфере.

В 1949 г. Конгресс принимает новый Закон о контроле экспорта (Export Administration Act of 1949), в соответствии с которым глава исполнительной власти — президент — наделялся неограниченными полномочиями в этой сфере. Он мог запретить экспорт не только вооружений, но также любых товаров в страны, угрожающие «стратегическому, технологическому и военному доминированию и национальной безопасности [США]» (Bargher, 1994, p. 10). Президенту было дано право «приостанавливать не только экспорт из США, но также и из других стран, причем любых товаров, технологий и информации, находящихся в юрисдикции США, или экспортируемых через лиц, подлежащих юрисдикции США. Это касалось не только американских фирм, но и всех их зарубежных филиалов, а также всех зарубежных компаний, использующих приобретенные по лицензиям американские технологии» (Швейцер, 1995, с. 34).

Впоследствии Конгресс регулярно пытается ограничить данное им президенту право контролировать экспорт и стимулировать свободную торговлю. Так, Закон о регулировании экспорта от 1969 г. (Export Administration Act of 1969) ограничивает свободу действий президента в сфере контроля за экспортом в страны Восточного блока. Начиная с этой версии данного Закона в его тексте появляются изменения, отражающие растущее нежелание союзников США по Западному блоку поддерживать *de facto* эмбарго в отношении СССР. В этой версии также учитываются претензии американского бизнеса к зарегулированности процесса получения лицензии на экспорт, а также к затратности по времени этой процедуры (Elder, 1992, p. 66).

Закон о равных экспортных возможностях (Equal Export Opportunity Act of 1972) потребовал от президента США принимать во внимание эффективность запретов на экспорт и возможные негативные эффекты в отношении конкурентных позиций американских компаний. В 1974 г., рамках Дополнений к Закону о регулировании экспорта (Export Administration Amendments of 1974; Export Administration

¹ В частности, в Архиве Министерства иностранных дел Франции (Archives de Ministère des Affaires Étrangères, MAE) с 2009 г. открыт доступ к фондам КОКОМ.

² Department of Commerce's Office of Export Licensing of the Bureau of Export Administration.

³ «The Congress shall have the power [...] to regulate Commerce with foreign Nations».

Amendments of 1977) контроль за экспортом со стороны президента возможен, только если очевидно, что отсутствие такого контроля навредит национальным интересам; допускается законодательное вето (со стороны конгресса) на экспорт сельскохозяйственной продукции.

Закон о регулировании экспорта (Export Administration Act of 1979), принятый в 1979 г., ограничивал экспорт технологий «двойного назначения», применимых потенциально или фактически как в военной, так и в гражданской сфере. Дополнения к данному Закону (Export Administration Act of 1985) в еще большей степени ограничивали властные полномочия президента в регулировании экспорта в четырех областях: сельскохозяйственное эмбарго, иностранная политика, неприкосновенность и экстерриториальность.

В 1970-х гг. положительное сальдо торгового баланса США сменяется растущим отрицательным. Становятся востребованными новые формы меркантилизма и государственного протекционизма. В рамках этих тенденций принимается Закон о торговле и конкуренции (Omnibus Trade and Competitiveness Act of 1988), в котором с целью стимулирования экспорта и достижения положительного сальдо торгового баланса снимаются некоторые ограничения на экспорт, закрепленные в принятых ранее законодательных актах (Cass, 1991).

У западных исследователей нет однозначного ответа на вопрос о роли ограничений в экспорте технологий для страны, являющейся технологическим донором. Так, в своей статье Б. Элдер ищет ответы на вопрос, мешал ли контроль за экспортом технологий со стороны США компаниям этой страны занимать конкурентные позиции на международном рынке. Позволял ли такой контроль исследовательским компаниям из США обмениваться технической информацией с остальным миром? Ведь обеспечение доступа к технологиям зарубежных компаний является своеобразной платой за доступ к рынкам покупателя технологий (Elder, 1992, p. 66).

Доступ к технологиям

В рамках усилий по экспортному контролю по инициативе США в 1949 г. для координации торговой политики стран Запада и контроля за экспортом стратегических товаров в социалистические страны была создана организация, названная КОКОМ (*CoCom*) – Координационный комитет многостороннего экспортного контроля (*Coordinating Committee for Multilateral Export Controls*)¹. Ее членами стали 17 государств: Австралия, Канада, Франция, ФРГ, Греция, Италия, Япония, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Португалия, Испания, Турция, Великобритания и США. Все страны НАТО, кроме Исландии и Японии и нейтральных Швеции, Швейцарии и Австрии, стали участниками этой наднациональной, регулирующей экспорт в страны Восточного блока структуры.

До сих пор, в рамках официальной версии, созданием КОКОМ обеспечивалось поддержание технологического преимущества в военной сфере по отношению к странам Восточного блока.

Дополнительными аргументами для сторонников усиления экспортного контроля стали получившие известность факты промышленного шпионажа по отношению к странам Запада, в том числе направленного на получение технологий военного назначения (Regnard, 1983). В табл. 1 приведены детали некоторых получивших известность операций разведывательных служб по получению информации военного назначения.

¹ Согласно некоторым источникам, КОКОМ был создан в январе 1950 г.

Таблица 1

Некоторые операции по получению доступа к технологиям военного назначения

Имя источника информации	Реципиент информации	Дата проведения операции	Детали	Последствия для СССР
<i>William Bell</i>	Служба безопасности Польши	1978–1981	Гражданин США. Специалист по радарам в <i>Hughes Aircraft Company</i> . Работал над системами радаров и экспериментальными системами ракет «воздух – воздух» и «земля – воздух»	Сэкономлены десятки тысяч рублей на проведение исследований в этой области
<i>Dieter Gerhardt</i>	ГРУ	1964–1983	Офицер южноафриканских военно-морских сил, выпускник <i>British Royal Navy College</i> . Занимал пост посла в Лондоне	Переданы сведения о противовоздушной обороне
<i>James Harper</i>	Служба безопасности Польши	1971–1981	Гражданин США. Имел доступ к контрактам компании <i>Systèmes Control Inc. De Californie</i> , связанной с разработкой высокотехнологичной системы защиты от баллистических ракет	Предоставил десятки документов по американским программам защиты от баллистических ракет
<i>Manfred Rotsch</i>	КГБ	1967–1984	Гражданин ФРГ. Руководитель службы планирования компании <i>Messerschmitt-Boölkow-Blohm (MBB)</i>	Передал сведения по самолету «Торнадо», разработанному европейским консорциумом <i>Panavia</i>

Источник: Wienert, 1986, p. 43.

Из документов, переданных агентом Farewell¹, неоспоримо следовало, что с 1976 по 1980 г. благодаря нелегальному приобретению западной технологии только Министерство авиапромышленности сэкономило 800 млн долл. на исследованиях и научных разработках» (Швейцер, 1995, с. 33). В табл. 2 приведены данные об экономическом эффекте использования западных технологий в развитии советских военных технологий в начале 1980-х гг.

Таблица 2

Вклад западных технологий (процент программ, улучшенных за счет использования западной научной мысли) в развитие советских военных технологий, начало 1980-х гг.

Область применения западных технологий	Участие западных технологий, % в год		
	улучшенные программы	программы, оптимизированные в некоторой своей части	программы, полностью измененные
Электроника	34,0	6,0	–
Оптика	8,5	3,5	–
Авиация	6,7	3,0	–
Ракеты	3,2	2,8	0,5
Снаряды и взрывчатые вещества	3,5	2,0	–

¹ Farewell – псевдоним Владимира Ипполитовича Ветрова (1932–1985) – подполковника Первого главного управления КГБ СССР, завербованного западной разведкой. Передал НАТО чрезвычайно важную информацию о советской программе по похищению западных технологий.

Окончание табл. 2

Область применения западных технологий	Участие западных технологий, % в год		
	улучшенные программы	программы, оптимизированные в некоторой своей части	программы, полностью измененные
Коммуникации	3,0	2,0	0,5
Химия	1,0	3,5	0,5
Радары и компьютеры	2,5	1,5	—
Электротехника	1,8	1,3	—

Источник: Wienert, Slater, 1986, p. 44.

Основными характеристиками контроля в рамках КОКОМ, типичного образования эпохи холодной войны (Wienert, Slater, 1986, p. 15), являлись: многосторонность, наличие двух уровней реализации этого контроля (наднациональный и национальный), особая специфика контроля с точки зрения норм права и международной практики в отсутствие юридического статуса КОКОМ, совпадение с динамикой советско-американских отношений.

Контроль, который был реализован в рамках КОКОМ, отличался от других форм ограничений международных коммерческих связей, к которым, согласно Helgard Wienert, можно отнести:

- санкции-эмбарго ограниченного характера, как, к примеру, введенные США в 2011 г. торговые и финансовые санкции против Ливии. Такого рода санкции носят репрессивный характер и применяются, как правило, в различных нестратегических областях;
- полномасштабное эмбарго, которое сродни понятию экономической войны и которое может сочетаться с политическим эмбарго. Что касается КОКОМ, то он часто использовался как инструмент именно такого рода санкций по отношению к СССР.

Для действий западных стран в рамках КОКОМ была характерна многосторонность. Следуя традиционному принципу, гласящему, что возможно лишь коллективное эмбарго, западные страны, являясь одновременно военными союзниками и основными поставщиками высоких технологий, практиковали скоординированную политику контроля. На свои заседания они регулярно (раз в полгода) собирались в штаб-квартире КОКОМ в Париже. Такая структурная дуальность была необходима, поскольку КОКОМ не обладал юридическим статусом и не имел собственных инструментов реализации принятых им решений. Они осуществлялись на национальных уровнях странами — участницами соглашения.

Степень вовлеченности КОКОМ в регулирование трансфера западных технологий коррелировала с состоянием советско-американских отношений. Так, в период разрядки (1964–1974 гг.) 80% запросов на смягчение контроля в рамках КОКОМ были удовлетворены (Wienert, Slater, 1986, p. 15). В западной историографии существует мнение, что в 1970-х гг. развитие обмена товарами и технологиями между западными странами и странами Варшавского договора способствовало сокращению тенденции к изоляционизму и настроениям к разжиганию войны и неизбежно провоцировало политику открытости СССР в отношении западных стран (Pizar, 1970). Г. Киссинджер перевел эту теорию на дипломатический язык через используемую им концепцию политики «взаимовязки» (*linkage*), которая связывала улучшение коммерческих отношений с политическими уступками. И наоборот, деградация отношений между Востоком и Западом, к примеру в период

событий в Афганистане, привела к ужесточению политики США в области торговли и обмена технологиями¹.

Между США и союзниками по КОКОМ существовали разногласия относительно целей и модальности контроля за экспортом. В экономическом смысле западно-европейские страны были среди основных поставщиков технологий в СССР, по сравнению с США, которые были вовлечены в этот обмен в меньшей степени. Не облегчало ситуацию также и то, что в сфере высоких технологий европейские страны и США являлись конкурентами. Очень часто США подозревались их партнерами в недобросовестном использовании инструментов влияния КОКОМ, в частности для получения преимуществ в конкурентной борьбе².

К этим экономическим аргументам следует добавить политические настроения в европейских странах, которые всегда стремились сохранять с СССР спокойные и ровные отношения. Именно по этой причине в период раннего президентства Р. Рейгана США не удалось получить согласие своих европейских союзников на реорганизацию КОКОМ и ужесточение экономической блокады СССР. Все колебания союзников США по КОКОМ наглядно видны в так называемом деле газопровода Уренгой – Помары – Ужгород³. Европейцев не устраивало то, что атаковался проект, обеспечивающий снабжение Западной Европы газом. Но что раздражало в большей степени, так это то, что США пытались воспользоваться своим правом экстерриториальности для того, чтобы помешать европейским филиалам американских компаний обеспечивать строительство трубопровода в СССР. Эмбарго на газопровод породило климат напряженности между союзниками и риск компрометации КОКОМ (Wienert, Slater, 1986).

В результате под давлением США летом 1984 г. контрольные списки КОКОМ были расширены в области информатики, логистики и телекоммуникации. Но одновременно не произошло расширения рестриктивных мер в арсенале КОКОМ и новый федеральный Закон США об экспорте, принятый в 1985 г., содержал меньше ограничительных мер, чем предполагалось изначально. Кроме того, президент Рейган в начале 1987 г. решает облегчить федеральные процедуры, тормозящие обмен технологиями между странами – членами КОКОМ.

КОКОМ и другие фирмы

Показательна практика Бельгии в области экспорта стратегических материалов (Wienert, Slater, 1986, p. 125–132). В 1950-х гг. в Бельгии возникло мнение, что

¹ В 1975 г. между СССР и США был заключен долгосрочный договор, согласно которому Соединенные Штаты обязались поставлять 8 млн т зерна в Советский Союз. В 1979 г. Министерство сельского хозяйства США разрешило продать СССР в 1980 г. 17 млн т зерна свыше этой нормы. 4 января 1980 г., в ответ на ввод советских войск в Афганистан 25 декабря 1979 г., президент США Джимми Картер объявил о расторжении зернового контракта на поставку 17 млн т. Он пообещал, что предназначенное для СССР зерно будет выкуплено государством у американских фермеров по рыночным ценам, после чего его излишки направят в бедные страны и на производство биотоплива. Помимо ограничений на продажу зерновых, в январе 1980 г. была прекращена выдача лицензий на продажу высоких технологий СССР, ограничен экспорт американских товаров, заморожены все совместные культурные и экономические мероприятия, а советским судам было запрещено заниматься рыбным промыслом в водах США (<http://tass.ru/>).

² Дело Toshiba, которое столкнуло японскую компанию и американские власти летом 1987 г., рассматривалось японской стороной как косвенное проявление промышленного протекционизма со стороны американцев.

³ Уренгой – Помары – Ужгород – магистральный экспортный газопровод (МГ), построенный СССР в 1983 г. для поставки природного газа с месторождений севера Западной Сибири (РСФСР) потребителям в республиках Союза и странах Центральной и Западной Европы. В 1981 г. администрацией президента Р. Рейгана было оказано давление на западноевропейских производителей, использовавших компоненты американских технологий в связи с проектом газопровода.

ограничения в рамках единой политики западных стран по отношению к торговле технологиями с СССР, выглядят неубедительно. Сам торговый обмен между Бельгией – Люксембургом и странами Восточной Европы был небольшим: немногим более 2% от общего объема экспортно-импортных операций Бельгии. У некоторых бельгийских парламентариев складывалось мнение, что такое состояние дел объяснялось неоправданно жесткой политикой экспортных ограничений в отношении стратегических товаров. 23 ноября 1955 г., выступая в парламенте, барон Кронакер (Kronacker) заклеил «абсурдность контрольных листов эмбарго в отношении СССР и его сателлитов». Он призвал правительство «использовать свое влияние, чтобы положить конец такому положению дел» (Chambre des Représentants, Compte rendu analytique, séance du 23 novembre 1955).

В марте 1961 г. сенатор М. Декейзер (M. Dekeyzer) вновь задается вопросом относительно «некоторых аспектов регулирования эмбарго на экспорт в коммунистические страны. Мне представляется, — говорил он, — что наши союзники не слишком этим озабочены. В Германии, Голландии и Франции производят машины, подпадающие под эмбарго, для того, чтобы их продавать за железный занавес. Не следует ли и нашей стране проявить больше здравого смысла и распространить эмбарго лишь на военные технологии?» (Sénat, Compterendu analytique, séance du mardi 24 janvier 1961, p. 7).

Озвученная подобным образом позиция не была оформлена как официальная точка зрения. Но наличие ряда двусторонних соглашений между Бельгией и СССР свидетельствовало, в той или иной мере, о взаимном желании расширять контакты. Среди этих документов, к примеру, был Договор о торговле, подписанный 14 июля 1971 г., предусматривающий взаимное признание режима наибольшего благоприятствования для обеих сторон. Этот договор сопровождался протоколом, фиксирующим статус юридического лица для коммерческого представительства СССР в Бельгии. В 1969 и 1974 гг. были подписаны также соглашения об экономическом и научно-техническом сотрудничестве между двумя странами.

Еще один симптоматичный случай — с бельгийской компанией *Clayson à Zedelgem* из Западной Фландрии. Компания стала правопреемницей предприятия *Société Claeys*. Последнее, находясь в стесненном финансовом положении, продает американской компании 65% своих акций (после чего в административном Совете компании трое из пяти ее членов представляют американскую сторону, двое других — бельгийцы).

В начале 1967 г. компания *Clayson* получает предложение продать Кубе 250 сахароборочных комбайнов. Делегация Кубы представлена на высоком уровне — ее возглавил Е. Кесада (E. Quesada), вице-министр промышленности. Сумма контракта — приблизительно 1 млрд бельгийских франков. В действительности речь шла о первом транше в 250 машин. Предполагалось в течение трех лет купить в Бельгии 1250 машин на 6 млрд бельгийских франков. Учитывая масштаб сделки, которая обеспечивала занятость для 2500 человек, Министерство внешней торговли Бельгии с готовностью ее поддержало.

Но контракт не был подписан. Компания столкнулась с вето от американского правительства: в соответствии с Законом США контракты с Кубой для американских компаний были не разрешены. Руководство *Clayson* обратилось с просьбой разрешить экспорт в Министерство финансов США, но вновь был получен отказ. Учитывая деликатность ситуации, когда заказ мог быть перенаправлен в адрес конкурентов бельгийской компании — итальянской фирме *La Verda*, *Clayson* вновь апеллирует к американскому правительству (Chambre de Représentatives, Annales parlementaires, séance du 25 janvier 1968, p. 8). Разрешение дано не было.

«За все время существования КОКОМ было зафиксировано всего одно нарушение его правил: в период 1982–1984 гг. японская „Тошиба“ совместно с норвежской „Корнсберг групп“ поставили в СССР без лицензии КОКОМ фрезерные станки, оснащенные компьютерами. США за это на длительный период закрыли для „Тошибы“ весь ее экспорт, и „Тошиба“ оказалась на грани разорения» (Фогельсон, 2014).

Историография КОКОМ сложилась только к концу холодной войны, и не потому, что появилась новая послевоенная парадигма, но скорее потому, что пришло время открыть архивы, позволяющие получить доступ к документам раннего периода введения эмбарго¹.

В 1960–1970-е гг. находящаяся в зачаточном состоянии историография КОКОМ концентрировалась в основном вокруг вопроса, почему Западная Европа в 1950–1951 гг. уступила влиянию США. Г. Адлер-Карлсон в своей книге «Экономическая война западных стран: исследование международной экономической политики, 1947–1967», до сих пор остающейся наиболее широкомасштабным и часто цитируемым исследованием стратегического эмбарго, утверждает, что причины расширения сотрудничества между странами Запада «очевидно, могут быть найдены в американских угрозах отказаться от предоставления помощи в случае невыполнения требований США» (Adler-Karlsson, 1968, с. 45). Отсюда мнение, что у присоединившихся к КОКОМ стран не было выбора, как только разделить эту инициативу с США. Так называемый Закон Баттла², который связывал оказание США военной, экономической или финансовой помощи какой-либо стране с ее присоединением к эмбарго по отношению к странам, угрожающим безопасности США (Battle Act of 1951, 22 U.S.C. § 1613 (d)), также может служить основанием для подобной точки зрения. Закон был подписан президентом Г. Труменом 6 октября 1949 г. и стал первым законодательным актом эры холодной войны. Его подписание последовало за принятием 3 апреля 1948 г. Закона об экономической помощи Европе (План Маршалла).

Не все специалисты, занимающиеся проблемой эмбарго, согласны с позицией Г. Адлер-Карлсона, полагая, что она страдает левизной и идеологической зашоренностью, а также недостаточным использованием источников (Elder, 1992, p. 66–81).

Система контроля экспортных технологий

Отладка, в рамках КОКОМ, функционирования невиданной ранее системы тотального, систематического контроля экспорта технологий из стран Запада в страны Варшавского договора заняла некоторое время. До 1990-х гг. роль КОКОМ считалась вспомогательной, не основной при изучении таких вопросов, как экспортный контроль в США, торговля между Западом и Востоком или экономические и политические отношения между странами Запада (Funigiello, 1988). И это не случайно: КОКОМ не опубликовал ни одного документа за все время своего существования. Лишь сейчас исследователи пытаются понять, как была организована работа этой международной организации, в частности, в рамках уже упоминаемого научного направления *STS* – динамично развивающейся области гуманитарных исследований, включающей в качестве одного из направлений историю технологий.

¹ Документы КОКОМ стали доступны для исследователей в 2009 г., когда они были переданы в Архив Министерства иностранных дел Франции в г. Ла-Курнев. В Париже находилась штаб-квартира этой организации.

² Полное официальное название Закона Баттла – Закон о взаимной военной помощи (Mutual Defense Assistance Control Act of 1951).

Техническая сторона организации этого контроля заслуживает особого внимания. К примеру, выпускник Массачусетского университета, научный сотрудник программы *STS* Гарвардского университета С. Вайс Эванс¹ разместил на своей интернет-страничке списки многостороннего экспортного контроля, опубликованные правительством Великобритании начиная с 1954 г. в «Торговом журнале»², с целью «обеспечить историческую перспективу и понять, почему текст списков сформирован таким, каким он был»³.

На организацию списков экспортного контроля, так называемых контрольных списков КОКОМ, ушло несколько лет. Вначале контролируемые технологии были включены в четыре списка (Sibley, 2009, р. XI), согласно их стратегической значимости. Списки были составлены в марте 1948 г. специальным подкомитетом по экспортному контролю при Министерстве торговли США и выглядели следующим образом:

Класс 1. Товары, которые по своему характеру имеют прямое военное назначение или могут быть легко конвертированы в таковые. Товары, важные в производстве боеприпасов; или товары высокого приоритета, введение эмбарго на которые может нанести серьезный ущерб стратегическим отраслям советской экономики;

Класс 1А. Товары военного или частично военного назначения, которые следует контролировать, но которые попадают в эту категорию потенциально, без их использования в этом качестве в настоящее время;

Класс 2. Товары непрямого военного назначения или как имеющие важное значение для промышленного потенциала восточноевропейских стран;

Класс 3. Товары, не имеющие какого-либо военного назначения, но поддерживающие экономику стран Восточного блока;

Класс 4. Товары, не относящиеся к военной сфере и не представляющие особой важности для экономики — так называемые неосновные товары.

Осенью 1948 г. они были объединены и на этой основе были сформированы два новых — 1А и 1В. В таком виде они были переданы правительствам европейских стран, получающих помощь в рамках Плана Маршалла с тем, чтобы последние использовали их, вводя соответствующие ограничения на экспорт в страны Восточного блока. После начала войны в Корее (в 1950 г.) Министерство торговли США формирует еще один новый список — 1С. В январе 1949 г. появляется так называемый англо-французский список⁴, в котором обозначены товары, запрещенные к вывозу из этих двух стран. Он стал компиляцией на основе американского списка 1А.

В ноябре 1949 г. и в январе 1950 г. разработаны и опубликованы три международных списка КОКОМ⁵:

- 1) товары и оборудование, используемые в атомной энергетике;
- 2) военные товары (оружие и боеприпасы и товары для их производства);
- 3) промышленное оборудование и материалы «двойного назначения».

Экспорт товаров, включенных в первые два списка, был запрещен полностью. Поставка товаров из третьего списка осуществлялась «в порядке исключения» по разрешению КОКОМ. Таким образом, к 1950 г. система контрольных списков КОКОМ практически полностью сформировалась.

¹ Sam Weiss Evans — профессор Университета Tufts (<http://evansresearch.org/>).

² Board of Trade Journal (<http://evansresearch.org/cocom-lists/>).

³ Ibid.

⁴ The Anglo-French List.

⁵ CoCom International Lists.

Для того чтобы более наглядно показать масштаб контроля за экспортом технологий, на рисунке приведена копия архивного документа – меморандума делегации США в Координационный комитет КОКОМ¹, выпущенного 25 октября 1973 г. В нем приводится информация об экспортной поставке в СССР из США цифровой компьютерной системы. Указана стоимость системы – 93 000 долл. Указан адрес конечного получателя. Им является Институт металлургии и металловедения имени А. А. Байбакова. Приводится адрес института: Москва, Ленинский проспект, 49 (институт по-прежнему находится по этому адресу). Правда, индекс указан неточно – либо с тех пор он изменился, либо в текст документа закралась ошибка. Кроме того, в меморандуме говорится о предполагаемом использовании экспортируемой цифровой системы: «для исследований в области металлургии, проводимых в институте». Указана также дата поставки системы получателю в СССР – ноябрь 1973 г.

Меморандум делегации США в Координационный комитет КОКОМ

October 25, 1973	<div style="border: 1px solid black; padding: 2px; display: inline-block;"> JeCONFIDENTIAL #1157+10 (W) </div>	COCOM Doc. EA (73) 191	106
COORDINATING COMMITTEE			
MEMORANDUM BY THE UNITED STATES DELEGATION			
<u>Export of Digital Computer System</u>			COLLECTION
<u>to the U.S.S.R.</u>			
<u>IL 1565</u>			
Item No.	:	IL 1565(a), Note 4(b)	
Destination	:	U.S.S.R.	
Designation	:	1 type PL Autodiffractometer with: 1 type Nova 1200 Computer System	
Value	:	\$93,000	
End User	:	Institute of Metallurgy, Leninsky Prospekt 49, Moscow 117334	
End Use	:	For use in research of metallurgy at the Institute	
Date Limite	:	November 12, 1973.	

Документ выглядит как краткая, но информативная справка о конкретной экспортной поставке. Но если представить себе, что каждый технологический трансфер, в частности в СССР, сопровождался подобным документом, а, по всей видимости, так оно и было на протяжении более чем 40 лет существования КОКОМ, то становится понятно, насколько точной картиной «технологической состоятельности СССР» владели его оппоненты, которые преуспели в «беспрецедентном по размаху мониторинге потоков торговли развитыми технологиями в мировом масштабе» (Швейцер, 1995, с. 140).

¹ Архив Министерства иностранных дел Франции (МАЕ), ф. 400/841, л. 106.

Заключение

С окончанием холодной войны западные страны пришли к выводу, что существовавший режим контроля за поставками технологий в социалистические страны КОКОМ устарел. Чтобы противостоять угрозам международной и региональной безопасности и стабильности, необходима была более широкая система контроля за распространением обычных вооружений, товаров и технологий двойного применения. Поэтому после упразднения КОКОМ в 1994 г. в г. Вассенаар (Нидерланды) было заключено новое соглашение, к которому кроме стран — участников КОКОМ присоединились и другие государства, являющиеся производителями/экспортерами вооружений или соответствующих технологий, в том числе страны Восточной и Центральной Европы, СНГ, а также Аргентина и Южная Корея. Россия вошла в число стран — учредителей Вассенаарских договоренностей и участвует в работе режима с 1995 г. Окончательно этот режим вступил в силу в 1996 г. Участие в Вассенааре позволило России активизировать взаимодействие с ведущими державами в области контроля за поставками вооружений и двойных технологий.

Относительно итоговой оценки экспортного контроля сошлемся на работу К. Сибли, который сделал вывод, что уже в 1950–1953 гг. кажущийся триумф экспортного контроля обернулся, при ближайшем рассмотрении, крахом (Sibley, 2009). Подобной точки зрения придерживается еще ряд авторов (Knorr, 1975, p. 145–146; Hufbauer, Scott, 1985, p. 219–220; Adler-Karlsson, 1968). Но это мнение разделяется не всеми. Главное в тесте на эффективность эмбарго, как полагает Д. Болдуин, состоит не в том, что выросла ли советская военная мощь, а в том, чтобы уяснить, росла ли она медленнее, чем в случае, если бы эмбарго не было (Baldwin, 1985).

Опыт контроля трансфера технологий может быть оценен как еще один пример того, как слабо усваиваются уроки истории.

Источники

- Архив Министерства иностранных дел Франции (МАЕ).
Журавлев С., Ивантер А., Лабкикин А. и др. Спасибо господину Обаме [Электронный ресурс] // Эксперт-онлайн. 2017. 9 апр. URL: <http://expert.ru/expert/2016/23/spasibo-gospodinu-obame/>.
Фогельсон Ю. КОКОМ — воспоминания о будущем. 2014. 20 мая [Электронный ресурс]. URL: <http://echo.msk.ru/blog/fglsln/1324228-echo/>.
Швейцер П. Победа. Роль тайной стратегии администрации США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря. Минск, 1995.
50 U.S.C. App. §§ 2401 et seq. (1991). URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/50/2401>.
Adler-Karlsson G. Western Economic Warfare, 1947–1967. A Case Study in Foreign Economic Policy. Almqvist & Wiksell Boktryckeri AB, Uppsala, 1968.
Baldwin D. A. Economic Statecraft. N. J., 1985.
Bargher Craig M. The Export of Cultural Property and United States Policy // North Carolina Journal of International Law. 1994. Vol. 4. Iss. 2. Spring/Summer.
Bornstein M. Transfert de technologie entre l'est et l'ouest: le transfert de technologie occidentale à l'URSS. Organisation de coopération et de développement économiques (OCDE). 1985.
Cass R. A. Velvet First in an Iron Glove: the Omnibus Trade and Competitiveness Act of 1988 // Regulation. 1991. Winter.
Chalet M., Wolton T. Les Visiteurs de l'ombre. Paris, 1990.
Chambre de Représentatives, Annales parlementaires, séance du 25 janvier 1968, p. 8. URL: <https://www.dekamer.be/>.

Chambre des Représentants, Compte rendu analytique, séance du 23 novembre 1955. URL: <https://www.dekamer.be/>

Elder B. A strategic approach to advanced technology trade with the Soviet Union // Comparative Strategy. 1992. Vol. 11. Iss. 1.

Equal Export Opportunity Act of 1972, 50 U.S.C. §§ 2401 et seq. (1991). URL: <https://law.cornell.edu/uscode/text/10/7430>

Export Administration Act of 1979, 50 U.S.C. App. §§ 2401–2420 (1991). URL: <https://www.bis.doc.gov/index.php/forms-documents/compliance-training/export-administration-regulations-training/876-legal-authority-for-the-export-administration-regulations/file>.

Export Administration Act of 1985, 50 U.S.C. App. §§ 2401 et seq. (1991). URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/html/uscode50a/usc_sec_50a_00002401----000-.html.

Export Administration Amendments of 1974, 88 Stat. 1552 (1974). URL: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/STATUTE-88/pdf/STATUTE-88-Pg1552.pdf>.

Export Administration Amendments of 1977, § 106, 91 Stat. 235 (1977). URL: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/STATUTE-91/pdf/STATUTE-91-Pg235.pdf>.

Funigiello P. J. American-Soviet Trade in the Cold War, Chapel Hill. NC: University of North Carolina Press, 1988.

Hufbauer G. C., Scott J. J. Economic Sanctions Reconsidered: History and Current Policy. Washington, DC, 1985.

Knorr K. The power of Nations: The Political Economy of International Relations. N. Y., 1975.

Neutrality Act of 1939. URL: <https://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/WorldWar2/neutrality.htm>.

Omnibus Trade and Competitiveness Act of 1988, 50 U.S.C. App. §§ 2401 et seq. (1991). URL: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/STATUTE-102/pdf/STATUTE-102-Pg1107.pdf>.

Pizar S. Les armes de la paix: l'ouverture économique vers l'Est. Paris: Denoël, 1970.

Regnard Cf. Y. L'URSS et le renseignement scientifique, technique et technologique. Revue Défense National, décembre 1983.

Schweizer P. Les nouveaux espions : le pillage technologique des USA par leurs allés. Paris: Grasset, 1993.

Sénat, Compte rendu analytique, séance du mardi 24 janvier 1961, p. 75. URL: <https://www.dekamer.be/>.

Sibley K. A. S. History of International Relations, Diplomacy and Intelligence. Dordrecht, 2009.

Stenger G. The Development of American Export Control Legislation After World War II // The Wisconsin International Law Journal (Wis. INT'L L. J.) № 1, 2, 1987.

Sutton A. C. Western Technology and Soviet Economic Development. Vol. 1. Et. 2, Stanford, Hoover Institution, 1968, 1971.

Tiano A. Transfert de technologie industrielle: indépendance et développement. Economica. 1981.

Turner F. C. Technology Transfer (TT) and the Soviet Union: Part I // The Journal of Soviet Military Studies. 1998. Vol. 1. Iss. 4.

U.S. CONSTITUTION. Art., § 8 (“The Congress shall have the power... [to regulate Commerce with foreign Nations.”]). URL: https://www.senate.gov/civics/constitution_item/constitution.htm#a1.

Wienert H., Slater J. Transfert de technologie entre l'Est et l'Ouest: les aspects commerciaux et économiques. OCDE, 1986.

Wolton T. Le KGB en France. Grasset, 1986.